

Семен Юшкевич

Странный мальчик



Семен Юшкевич

Странный мальчик

«Public Domain»

1907

Юшкевич С. С.

Странный мальчик / С. С. Юшкевич — «Public Domain», 1907

«Перед нами стоял оборванный, босой мальчик, поразительно худой, но чистенький, с удивительно нежным лицом, заострённым книзу. У него были большие чёрные глаза с длинными ресницами. Губы были бескровны, а цвет всего лица напоминал свежий воск. Всего же удивительнее в нём был его голос...»

© Юшкевич С. С., 1907

© Public Domain, 1907

Семен Соломонович Юшкевич

Странный мальчик

– Стой, лягушка! – вдруг крикнул Коля, подняв палку.

Мы были уже подле «ключа»; раздался свист в воздухе, и палка камнем упала на землю.

– Чёрт! – выругался Коля, – промах.

Стёпа бросился к «ключу» и с ожесточением стал умываться. Теперь вместо чёрного он стал сизым, и в этой сизой рамке весело блестели и смеялись серые глаза.

– Промах, так промах, – раздался его голос, – айда наверх, там не промахнёмся ужю.

Он отбежал от ключа, зорко поискал глазами лягушку в траве и вдруг свистнул, прыгнул, встал, завертелся на каблуке и поскакал дальше. Мы бросились за ним. Пред глазами моими мелькнули задние лапки лягушки, ладонями вверх.

– Ну, ничего, – с мелькнувшим состраданием в душе произнёс я, – ну, пусть.

Эти слова я ещё машинально шептал, когда мы уже были на второй площадке. Здесь мы сделали привал и решили раньше переговорить с таинственным существом, сидевшим на скале, прежде чем приступить к задуманному. Теперь неизвестный вырисовывался отчётливо, хотя черт лица его нельзя было разглядеть. Но Коля не ошибся... Это, действительно, был мальчик, лет 14, а может быть и постарше.

– Как же быть? – спросил я.

– Сейчас увидишь, – отозвался Стёпа.

Он поднял камень и, хотя знал, что до скалы ему никогда не докинуть, всё-таки бросил его, вероятно, чтобы настрашать. Потом выставил ногу вперёд, задрал голову и прокричал:

– Эй, ты, леший, отвечай откуда взялся и кто ты такой!?

Привидение посмотрело вниз и видимо не поняло, чего от него хотят, ибо опять равнодушно подняло голову и стало смотреть на море.

Стёпа ещё раз бросил камень, бросил и Коля, за ним я, и все мы загорланили:

– Эй, ты, чёрт! ты как смел на нашу скалу взлезть?.. Сходи живей!

А Коля докончил:

– Не сойдёшь добром, мы стащим тебя и так отколотим, что год будешь помнить.

Мальчик нагнул голову, с удивлением посмотрел на нас и спросил:

– Это вы мне говорите?

Голос его был такой тихий, что едва доходил к нам.

– А то кому же? – рассердился Стёпа, – другой собаки, кроме тебя нет здесь; стало быть – тебе. Ну, слезай; нечего там сидеть.

– Я могу сойти, если вам этого хочется, – донёсся к нам голос. – Что вам нужно от меня?

– Так я тебе и отвечу, – проворчал Стёпа и опять крикнул. – Слезай! Сказано сходи, стало быть нечего расспрашивать. Ну, живее... Бросить разве в него ещё раз камнем? – обратился он к нам.

– Мне нравится ваш крик, – произнёс как бы с удивлением незнакомец на скале. – Я иногда люблю слушать, как кричат. Крикните ещё раз и я, пожалуй, сойду.

Всё это было произнесено каким-то мечтательным тоном, который прогонял из сердца гнев. Только Стёпа не унимался и голос товарища с особенной силой звенел, когда с уст его срывалась ругань.

– Ну, вот и хорошо; и отлично, – одобрило привидение крик Стёпы. – Теперь подождите, я сейчас буду подле вас.

Одну минуту у меня была мысль, что он слетит к нам. Я затаил дыхание. Но вот он скрылся на мгновение – и сейчас же показался под скалой. Потом легко и плавно сбежал вниз.

– Вот я и спустился, – произнёс незнакомец, – правда, скоро?

Мы были ошеломлены. Даже Стёпа на миг унялся. Перед нами стоял оборванный, босой мальчик, поразительно худой, но чистенький, с удивительно нежным лицом, заострённым книзу. У него были большие чёрные глаза с длинными ресницами. Губы были бескровны, а цвет всего лица напоминал свежий воск. Всего же удивительнее в нём был его голос. Он был и звучный, и тихий, и приятный, как будто тоскующий, проникал в сердце и радовал, и мучил его. Хорошо было слушать его, но сейчас же жалко чего-то становилось и не радовал светлый день, солнце; что-то прошлое, ушедшее, просилось в душу и как будто это по нем была жалость.

– Ну, говори, – властно произнёс Стёпа, наконец, – ты кто такой?

Мы с Колей бросились в траву и только Стёпа продолжал стоять в угрожающей позе и волосы на голове у него ошетинились, как у ежа.

– Я сын царя, – произнёс мальчик.

Коля живо повернулся, чтобы хорошенько рассмотреть незнакомца. У меня чуть сердце не разорвалось от волнения, и я одобрительно улыбнулся ему. Стёпа насмешливо засвистал, и свист этот, как длинная чёрная нитка, соскользнул с его губ, тихо скатился с площадки и пропал под горой. Стало тихо. Как будто потемнело. Вспорхнула стрекоза, задрожала крыльями и пала подле нас. Две бабочки, догоняя друг друга, закружились над головой таинственного мальчика и, вдруг, круто повернув полёт, скрылись на третьей площадке.

– Врёшь, – наконец произнёс Стёпа. – Разве у царя такие сыновья бывают? Я и то лучше тебя одет. На тебе и башмаков даже нет...

– Это ничего не значит, – возразил настойчиво мальчик. – Хотя я знаю, что вы поверить мне не можете и что я ничем не могу доказать этого, я всё-таки утверждаю, что я сын царя.

Здесь даже Коля не выдержал и засмеялся. Только я один верил таинственному мальчику и с участием слушал его.

– Вы нам басен не рассказывайте, – произнёс Коля своим тоном, не терпящим противоречия, однако уже вежливо. – Мы знаем, что такое царь, и каким должен быть его сын. Вы же похожи на самого бедного мальчика, которого я когда-либо встречал. Наверное вы – нищий.

– Нет, я не нищий, – с живостью возразил незнакомец.

Стёпа сел, не переставая бросать на мальчика враждебные взгляды, а тот продолжал отвечать нам, как преступник судьям.

– Я живу, – продолжал мальчик, – с родными. У нас маленькая лавочка. Отец стар и слеп. У меня есть мать и брат помоложе меня. Мы живём в этом доме всего несколько дней. Лавочку же мать откроет дня через два, так как дождь испортил весь товар, когда мы переезжали. Вы видите – я не нищий.

Я перестал его совершенно понимать. Разочарование вмиг охладило моё участие к нему.

– Ну вот, – расхохотался Стёпа, – я ведь говорил, что ты врёшь – и так оно и вышло! Вишь ты, какой царский сын нашёлся. Батька твой, говоришь, лавочник. А может вор. Я бы тебе уже ухо расквасил, кабы ты не такой худой был. Знал бы в другой раз, как врать. На гору же больше не смей приходить. Хозяева этой горы – вот они, – он с гордостью указал на нас, – и сюда никому приходить нельзя.

– А всё-таки я сын царя, – повторил мальчик с убеждением. – То, что вы мне сказали, меня не удивляет, так как здесь мне все тоже самое говорят. Но ведь всё это я «здесь» слышу. «Там» же – я сын царя, – он сделал ударение «там», – у меня прекрасный замок, отделённый от других золотыми прутьями. В моей конюшне двенадцать серебряных лошадей. Мой учитель и друг, старый «Наставник», первый советник царя, отца моего. У нас есть враг «Красный Монах», с которым я недавно сражался. В наших лесах живут львы, слоны, носороги, тигры, и я охочусь на них со своими стальными собаками. И много, много чудесного есть в нашем царстве. Отец же всегда сидит на троне из золота и слоновой кости: у него борода белая и густая, как баранья шерсть и спускается до первой ступени трона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.